

Алексей Рубцов

«СЛУЧАЙНОЕ БЕЗОБРАЗИЕ» ИЛИ «ПРАВИЛЬНАЯ СТАЧКА»: ИНТЕГРАЦИЯ РАБОЧЕГО ПРОТЕСТА В ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1870-е гг.

Рубцов Алексей Андреевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге; ассистент кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина); arubtsov@eu.spb.ru, aarubtsov@etu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы формирования правительственной политики в отношении рабочего движения в первой половине 1870-х гг. Именно в это время происходит рост числа выступлений рабочих против тяжелых условий труда и произвола администрации на предприятиях. Таким образом, перед государственными институтами возникла новая угроза политическому порядку — рабочее движение. В центре внимания исследования оказалось то, как государственные ведомства, столкнувшись с новыми вызовами политической стабильности империи, разрабатывали инструменты для интеграции рабочего протеста в политико-правовую систему государства. Ведь участники стачек могли быть включены в правовой и политический порядки пореформенной Российской империи или как государственные преступники, или как обычные правонарушители. Многое зависело от правоприменительных практик и установленных моделей описания революционного движения. Поэтому в статье анализ правоприменительных практик как инструментов интеграции построен вокруг изучения изменений смыслов и контекстов использования термина «стачка», который долгое время был элементом прежде всего юридического лексикона, а затем стремительно стал важным политическим понятием конца XIX — начала XX в. Делается вывод,

Rubtsov Alexey Andreevich, Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher of European University at St. Petersburg; arubtsov@eu.spb.ru

Assistant of Department of History of Culture, State and Law at St. Petersburg Electrotechnical University "LETI"; aarubtsov@etu.ru

Abstract. The article discusses the problems of forming government policy towards the labor movement in the first half of the 1870s. It was at this time that there was an increase in the number of protests by workers against difficult working conditions and the overuse of the administration at enterprises. Thus, a new threat to the political order arose before state institutions. This danger was the labor movement. The article describes how government departments faced new challenges to the political stability of the empire. These conditions forced them to develop tools for integrating workers' protest into the political and legal system of the state. Strike participants could be integrated into the legal and political order of the post-reform Russian Empire either as state criminals or as common offenders. Specific decisions depended on law enforcement practices and accepted models for describing the revolutionary movement. Therefore, this study is structured around exploring the changes in the meanings and contexts of using the concept of "strike," which for a long time was part of primarily the legal lexicon, and then quickly became an important political concept in the late 19th and early 20th centuries. It is concluded that back in the 1870s the state saw strikes as a serious threat to state security. Officials endowed the con-

что власть еще в 1870-е гг. разглядела в стачках серьезную угрозу государственной безопасности. Наделив значение этого термина революционным потенциалом, чиновники сами способствовали дальнейшей радикализации его смыслов.

Ключевые слова: Российская империя, Министерство внутренних дел, политическая полиция, стачка, забастовка

Исследование подготовлено при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 23-18-00520) «За пределами "колониальности" и национализма: пространства интеграции в Российской империи (XIX — начало XX в.)».

DOI: 10.33280/3034-3216.2024.16.62.004

cept of "strike" with revolutionary potential and, thus, contributed to the further radicalization of its meaning.

Keywords: Russian Empire, Ministry of Internal Affairs, political police, strike

Alexey Andreevich Rubtsov
**“Random outrage” or “correct strike”:
integration of workers' protest into the legal
space of the Russian Empire in the 1870s**

30 декабря 1872 г. начальник Московского губернского жандармского управления (далее — ГЖУ) И. Л. Слёзкин разослал инструкцию подчиненным ему офицерам, служившим в уездах Московской губернии. Он указывал на необходимость постоянного приобретения новых знаний, что помогло бы жандармам правильно оценивать возникавшие угрозы государственной безопасности. Недостаток же знаний мог привести к неправильному пониманию происходящих событий, пример чего и был приведен в инструкции.

Один из унтер-офицеров доложил Слёзкину о стачке, случившейся на суконной фабрике, но не описал никаких подробностей данного происшествия. Когда Слёзкин решил выяснить у своего подчиненного, по какой же причине он не указал в донесении необходимых обстоятельств дела, тот объяснил, «что значение слова “стачка” ему не было разъяснено и он под этим словом понимает все те неудовольствия фабричных рабочих, кои ими заявляются административным лицам фабрики»¹.

В замешательстве унтер-офицера не было ничего удивительного. Причина заключалась совсем не в «низкой» образованности жандарма. Как правильно использовать понятие «стачка» в начале 1870-х гг. не знали даже некоторые губернаторы, докладывавшие о протестах рабочих в Министерство внутренних дел (далее — МВД).

1 Проект циркуляра Московского губернского жандармского управления (МГЖУ) помощникам начальника управления, находящимся в уездах Московской губернии, 30 декабря 1872 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 58. Оп. 1. Д. 5. Л. 64-65 об.

Вторая половина XIX в. — это время стремительного на тот период индустриального развития, которое неизбежно влекло за собой рост численности пролетариата. Именно в это время чаще происходят выступления рабочих против тяжелых условий труда и произвола администрации на предприятиях. Перед государственными институтами, в свою очередь, возникла новая угроза политическому порядку — рабочее движение. Осознавая свое исключительное положение в новых экономических условиях и осваивая методы массовых политических действий, рабочие становились для государства потенциальной, а иногда и реальной угрозой.

Столкнувшись с новыми вызовами политической стабильности империи, чиновники должны были выработать инструменты для их интеграции в политико-правовую систему государства. В соответствующих ведомствах занялись квалификацией различных выступлений рабочих согласно принятым законам и выработкой правоприменительной практики. Часто применялось несколько подходов к проблеме рабочего протеста, за каждым из которых могла стоять группа чиновников со своими личными и служебными интересами, знаниями и представлениями о том, как необходимо организовать политику обеспечения государственной и общественной безопасности.

Следовательно, участники стачек могли быть интегрированы в правовой и политический порядки пореформенной Российской империи или в качестве государственных преступников, или как обычные правонарушители. На общеимперскую политику в отношении протестных движений и шире — «неблагонадежных» подданных могло влиять конкретное решение.

Концептуально исследование опирается на методологические установки, разработанные в рамках направления «истории понятий». Возникновение новых явлений в политической и экономической жизни в переломный исторический момент неизбежно привело к появлению новых **концептов**², которые должны были

2 Понятия о России: к исторической семантике имперского периода. М., 2012; Ильин А. А. Революция и реформа: соотношение понятий в первые годы Великих реформ // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. II. № 2. С. 13–32; Бибикова Л. В. Политическая полиция конца XIX — начала XX вв. и «революция»: игра понятием или реальная угроза? // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 2. № 2. С. 70–98; Antonov S. Russian Capitalism on Trial: The Case of the Jacks of Hearts // Law and History Review. 2018. Vol. 36. № 1. P. 35–76.

описывать этот нарождающийся индустриальный мир. Поэтому в центре нашего исследования правоприменительных практик как инструментов интеграции находятся изменения смыслов и контекстов использования термина «стачка», долгое время относившееся прежде всего к юридическому лексикону, а затем стремительно ставшее важным политическим понятием конца XIX — начала XX в. Как продемонстрировано в ряде исследований по истории Российской империи, приход политики модерны и капитализма приводил к появлению новых или изменению смысла старых основных политических и юридических понятий.

В историографии на трудность определения значений термина «стачка» во второй половине XIX в. обратил внимание американский историк Р. Зелник³. Он отметил, как важно разобрататься в перипетиях изменения смыслов этого слова. Однако это его начинание осталось незавершенным⁴.

«Забастовать» и «стакаться»: от карточной игры до политического протеста

Лингвист и литературовед В. В. Виноградов в статье о слове «стачка» отмечал, что оно было живым термином судебно-делового языка. «Стачка» происходила от глагола древнерусской официальной юридической лексики «такать» ('подтверждать') и встречалась еще в Судебнике 1550 г. Как и многие другие слова древнерусского языка, оно обрело новую жизнь в 1830–1840-е гг., глубоко проникнув в обиход литературного словоупотребления. Однако в русском литературном языке до середины XIX в. было распространено лишь одно значение слова «стачка» — 'сговор, тайное соглашение'⁵. В таком же значении оно использовалось и в устной речи, и в официальном бюрократическом языке.

В «Справочном коммерческом словаре» за 1856 г. понятие «стачка» определялось как «единодушное соглашение между

3 Зелник Р. Что такое стачка? // Зелник Р. Личность, протест, история: сборник статей. СПб., 2007. С. 373–379.

4 Статья Р. Зелника о стачке была опубликована посмертно. Она представляет собой рукопись, в которой автор поставил основные проблемы, но не успел приступить к их решению.

5 Виноградов В. В. История слов. М., 1999. С. 661–662.

многими лицами для приведения чего-либо в исполнение, например между подрядчиками, откупщиками и т. п.»⁶ В дополнении к словарю великорусского языка, изданному Императорской академией наук, было дано следующее определение глагола «стакаться»: в Псковской и Тверской губерниях он означал «сговориться с кем-то», а глагол формы «стакаться» в Вятской губернии значил «сближаться»⁷. В уголовном праве термин «стачка» использовался для описания сговора, чаще всего между свидетелями⁸. Следовательно, изначально в значении сговора слово «стачка» употреблялось прежде всего в коммерческом и юридическом смыслах.

В словаре В. И. Даля, издававшемся в 1860-е гг., приводился набор определений, демонстрирующих все обозначенные значения и контексты использования слова «стачка». Здесь, в силу специфической организации словарных статей, для него не отводится самостоятельного места, но дается отсылка к слову «стакиваться», определяемому как «с кем-то заранее тайно условиться, сговориться», а далее приводился пример из коммерческой практики: «Подрядчики перед торгами стакнулись и удержали цену»⁹. Далее в словарной статье перечисляются контексты для существительного «стачка». Это «круговая порука в нечистом деле», а также, и для нас это важное пояснение, этим словом могла называться «стачка рабочих, отказавшихся поголовно от работы, требуя повышения платы». Таким образом, в 1860-е гг. один из авторитетных словарей зафиксировал еще один контекст употребления слова «стачка» — для обозначения соглашения между работниками ради совершения определенных действий.

Слово «стачка» в значении сговора активно использовалось в делопроизводстве еще в первой половине XIX в. В таком значении оно есть в Отношении 1841 г. за авторством министра финансов, где он разъяснял подробности произошедшей между торговцами «стачки» при покупке товаров на аукционе

6 Справочный коммерческий словарь / Собр. и изд. И. Вавиловым. СПб., 1856. С. 302.

7 Дополнение к опыту областного великорусского словаря. Издание Второго отделения Императорской академии наук / ред. А. Х. Востоков. СПб., 1858. С. 254.

8 Арсеньев К. К. Предание суду и дальнейший ход уголовного дела до начала судебного следствия. СПб., 1870. С. 200.

9 Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 4. М., 1866. С. 286.

в Митаве¹⁰. До 1837–1838 гг. использование слова в значении сговора рабочих с целью остановить работы и добиться повышения заработной платы в законах Российской империи не обнаружено. Только в 1838 г. упоминание «стачки» появляется в ст. 988 проекта «Учреждения Санкт-Петербургской городской полиции»¹¹. В статье шла речь о наказаниях зачинщиков и участников «стачки между работниками определенного промысла никому из них не работать ... чтобы вынудить у хозяев повышения поденной или понедельной платы»¹². В проекте указывалось, что основные положения данной статьи заимствованы из ст. 229 Австрийского уголовного законодательства. В соответствующей статье Австрийского кодекса также речь идет о соглашении (сговоре) подмастерьев [*Bei Verabredungen der Handwerksgeellen*] с помощью коллективного отказа от работы получить от хозяев повышения заработной платы¹³. Статья проекта «Учреждения Санкт-Петербургской городской полиции» с разъяснением наказаний за «стачку» между рабочими помещалась после статей о «стачках» промышленников с целью поднять цену товара и во всех этих статьях слово «стачка» было употреблено в значении «сговора». Причина появления отдельной статьи о «стачках между работниками» заключалась, вероятно, в росте числа вольнонаемных рабочих на предприятиях, так как данный раздел проекта касался именно этой категории трудящихся.

В 1845 г. с принятием нового Уложения о наказаниях «стачка» рабочих становится уже уголовно наказуемым деянием. Наказания за такое правонарушение было помещено в ст. 1792, которая с незначительными изменениями сохранилась в последующих редакциях Уложения о наказаниях.

Глагол «забастовать» зафиксирован словарем В. И. Даля в значении «закончить, пошаташить, перестать», причем указы-

10 Отношение министра финансов о мерах к прекращению стачки при покупке конфискованных товаров с аукциона. 3 мая 1841 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 8. 1841 г. Д. 343. Л. 1–2 об.

11 Учреждение Санкт-Петербургской городской полиции: проект (напечатано по Высочайшему повелению, в малом числе экземпляров, единственно для членов Государственного Совета, 25 Января 1838). СПб, 1838. С. 183.

12 Там же.

13 Das österreichische Strafgesetz über schwere Polizeübertretungen sammt den vom 3. September 1803 bis auf die neueste Zeit hiezu nachträglich erschienenen Gesetzen und Verordnungen. Wien: Braumüller & Seidel, 1841. S. 199.

вается, что в основном это слово применяется в азартных карточных играх¹⁴. Глагол «бастовать» как карточный термин («прекращать игру») укрепился в русском языке еще в конце XVIII столетия¹⁵.

Как показывает анализ других словарей, а также учебников, слово «забастовка» редко использовалось в 1860-е гг. для описания выступлений рабочих. Чаще оно стало употребляться в таком значении уже в 1870-е гг. Например, в 1870 г. была опубликована докторская диссертация российского экономиста, преподавателя Санкт-Петербургского университета Э. Р. Вредена о научных основаниях артельных и страховых учреждений¹⁶. В ней он использовал слово «забастовка» для описания борьбы рабочих против «гнета капитала», указывая, что таким образом он переводит английской слово *strike*.

В «Американском словаре английского языка» приводилось значение *strike* как прекращение работы с целью добиться повышения заработной платы, при этом уточнялось, что в этом значении *strike* в обиходе прежде всего в Англии¹⁷. Именно так стало употребляться слово «забастовка» и в русском языке, что отличало его от термина «стачка», означавшего прежде всего сговор с целью совершить какое-то действие. В 1870-е гг., особенно в делопроизводственных материалах государственных ведомств, оказывалось иногда крайне важным разделять эти два понятия и их значения.

От «буйства» к «целой теории о стачках»: выступления рабочих в дискурсе чиновников и правоприменительной практике

В 1870 г. начальник петербургского ГЖУ П. П. Дурново докладывал управляющему Третьим отделением о протестах рабочих на судах Калашниковской пристани в Петербурге из-за неправильных расчетов. В своем донесении он писал, что стачки среди

14 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1. М., 1863. С. 491.

15 *Виноградов В. В.* История слов. С. 663.

16 *Вреден Э. Р.* Страховые артели и долевая рабочая плата. СПб., 1870.

17 *An American dictionary of the English language / by N. Webster, C. A. Goodrich.* Porter N. Springfield, 1862. P. 1694.

рабочих «по всей вероятности, происходят в общественных местах, как то: питейных заведениях, харчевнях и трактирах»¹⁸. Дурново очевидно использовал понятие «стачка» в значении «сговора», который совершался среди рабочих в определенных местах с целью воспротивиться несправедливым условиям расчетов с ними нанимателей.

На протяжении первой половины 1870-х гг. стачкой постепенно стали называть уже в целом выступление рабочих, а не только какую-то часть их совместных действий. В 1874 г. в Третьем отделении следующим образом определяли характер одной из стачек на фабрике С. М. Шибаева: «Судя по сведениям, сообщаемым генерал-лейтенантом Слѣзкиным, означенный поступок рабочих имеет характер стачки только в том смысле, что совершен ими скопом; они не буйствовали, а, имея претензию на фабричное управление, пришли искать защиты у полицейской власти»¹⁹. «Скоп» и «сговор» постепенно в течение первой половины 1870-х гг. стали означать лишь одну из составляющих смысла понятия «стачка». Однако в процессе установления конвенции по поводу единого значения возникали споры о верном употреблении этого термина, которые отражали более фундаментальные проблемы формирования правительственного курса в отношении рабочего движения.

С 1870 г. со стороны чиновников стремительно растет озабоченность выступлениями рабочих. Среди свидетельств современников и в историографии наблюдается консенсус в оценке стачки на Невской бумагопрядильной фабрике как события, с которого начались существенные изменения в правительственной политике. Р. Зелник считал, что даже само слово «стачка» по отношению к волнениям рабочих до 1870 г. не употреблялось в официальных документах, а в прессе его использовали для описания только западноевропейских событий²⁰.

18 Рабочее движение в России в XIX веке: Сборник документов и материалов / под ред. А. М. Панкратовой. Т. 2: 1861–1884. Ч. 1: 1861–1874. М., 1950. С. 245.

19 Отношение товарища главного начальника 3-го отделения с.е.и.в.к. (3 экспедиция) министру внутренних дел А. Е. Тимашеву. 6 мая 1874 год // РГИА. Ф. 1286. Оп. 35. Д. 980. Л. 1 об.

20 Зелник Р. К истории выступления петербургских рабочих: случай на Александровском машиностроительном заводе в 1860 году (1965) // Зелник Р. Личность, протест, история. С. 54.

26 мая 1870 г. петербургский обер-полицеймейстер докладывал министру внутренних дел, что на Невской бумагопрядильной фабрике 63 человека с 22 мая отказываются работать в связи с тем, что контора фабрики отказалась повысить задельную плату. Обер-полицеймейстер отмечал, что мастеровые не произвели никакого беспорядка, но что тем не менее «в виду стачки между ними прекратить работы с той целью, чтобы принудить контору фабрики повысить получаемую ими плату», поступок их подпадает под ст. 1358²¹ Уложения о наказаниях издания 1866 г. и поэтому дело передано в ведение судебного следователя²².

За стачкой последовал циркуляр МВД от 6 июля 1870 г.²³ В нем также указывалось на уникальность возникшего возмущения рабочих. В циркуляре от губернаторов требовалось докладывать о происходящих в их областях стачках и высылать зачинщиков административным порядком, назначая над ними полицейский надзор. Циркуляр явился результатом возросшего опасения властей возможным распространением стачечного движения в России. После издания циркуляра министр внутренних дел, встревоженный конфликтами между рабочими и хозяевами и признавая неудовлетворительность существующих законов, 23 октября 1871 г. обратился к царю с докладом, в котором доказывалась необходимость издания общего закона о рабочих и прислуге²⁴.

Участившиеся возмущения рабочих поставили чиновников перед необходимостью регламентации взаимоотношений на предприятиях. В первой половине 1870-х гг. предпринималось несколько попыток выработать Положение о найме рабочих: Комиссия Игнатъева 1870 г. и Комиссия Валуева 1874 г. Обе имели целью урегулировать отношения рабочих и нанимателей, чтобы не допустить конфликтов, которые все чаще начинают именоваться стачками²⁵. Государство должно было выступить регулятором

21 В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных ред. 1845 г. эта статья помещена под № 1792.

22 Отношение С.-Петербургского обер-полицеймейстера министру внутренних дел 26 мая 1870 г. // РГИА. Ф. 1286. Оп. 31. Д. 1361. Л. 57–58.

23 Циркуляр МВД № 1906 о высылке зачинщиков стачек. 6 июля 1870 г. // Там же. Ф. 1286. Оп. 34. Д. 1021. Л. 5.

24 Лаверьчев В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861–1917 гг.). М., 1972. С. 32.

25 РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 357 (Материалы, связанные с работой П. А. Валуева в Комиссии по разработке Положения о найме рабочих и прислуги); Ф. 1149. Оп. 9 (1880). Д. 31А (О составлении положения о найме рабочих и прислуги).

этих отношений, однако принять Положение в 1870-е гг. так и не удалось, а государство, вмешиваясь в возникавшие конфликты, каждый раз пыталось разрешить их исходя из сложившейся ситуации, вставая порой и на сторону рабочих, но при главном условии — сохранении общественного порядка.

Инициативы об урегулировании взаимоотношений нанимателей и работников исходили и от представителей образованной общечественности. В 1870 г. под председательством Н. В. Исакова Комитет политехнической выставки готовил проект «Устава общества попечения о рабочих». В качестве цели проекта в пояснительной записке его авторами указывалось: «отстранить в будущем попытки самих рабочих составлять ассоциации для взаимной поддержки в материальном отношении и, опираясь на эту поддержку, вызывать стачки против хозяев»²⁶.

По мнению Р. Кантора, правительство озаботилось вопросом стачек и возможной перспективой роста выступлений рабочего класса из-за обстоятельств «нечаевского дела»²⁷. Р. Кантор был уверен, что Третье отделение занималось подготовкой циркуляра 6 июля 1870 г., хотя документальных подтверждений этому нет. К «делу нечаевцев» добавлялись новости, связанные с активной борьбой западноевропейского пролетариата, ростом собственной промышленности, укрупнением промышленных центров страны, концентрацией в них фабрично-заводского населения. Агенты систематически осведомляли Третье отделение о деятельности Интернационала и революционного движения в Европе, своими донесения возбуждая среди чиновников рост опасений перед угрозой бунтов рабочих²⁸.

Применению требований циркуляра 6 июля 1870 г. препятствовал сразу ряд обстоятельств. Согласно ст. 1358 Уложения о наказаниях рабочие наказывались за стачку (т. е. сговор) прекратить работу прежде условленного с нанимателем срока с целью вынудить хозяина повысить заработную плату. Однако на деле

26 Цит. по: *Парадизов П.* «Рабочий вопрос» в России в начале 70-х годов XIX в. // История пролетариата СССР. 1932. № 10. С. 86.

27 *Кантор Р.* Жандармерия и первые рабочие стачки в начале семидесятых годов 19-го века // Архив истории труда в России, выпускаемый Ученой комиссией по исследованию истории труда в России / под ред. Ю. Гессена. Петроград, 1922. Т. 3. С. 71–75.

28 Записка об организации, структуре и деятельности «Международного общества рабочих». 18 сентября 1872 г. III отделение. Секретный архив // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4а. Д. 346. Л. 1–14.

далеко не всегда требования рабочих могли касаться только вопроса оплаты, а формы протеста однозначно подпадать под те, которые перечислялись в статье Уложения о наказаниях. При этом появление циркуляра, адресованного начальникам губерний, о необходимости стремительно реагировать на возникавшие выступления рабочих, заставляло власти на местах порой вольно применять нормы законы.

В сентябре 1870 г. в Вологде в заведении для выделки мехов купеческого сына Нечаева рабочие «устроили между собой стачку не приступать к работе до тех пор, пока хозяином не будет отпущаться мягкий хлеб»²⁹. Не всё в этом событии соответствовало определенному в законе правонарушению, так как причиной сговора и остановки работ стала неудовлетворенность предоставляемым питанием, а не заработной платой. Губернатор и сам указал на то, что произошедшее не подходит «под стачку, предусмотренную в 1358 ст. Улож. о наказ.»³⁰ Однако он посчитал, что по характеру своему действия рабочих в данном случае однородны со стачкой, запрещенной законом. Поэтому в отношении зачинщиков губернатор поступил согласно требованиям циркуляра от 6 июля 1870 г., выслав одного из них в Архангельскую, а другого в Олонецкую губернии. В данном случае проявилась необходимость, в новых условиях оперативно оценив произошедшее выступление рабочих, принять соответствующие меры, даже если обстоятельства не совсем согласовывались с определениями из законов и инструкций. Подобные «сбои» и необходимые поиски быстрых решений происходили после стачки на Невской бумагопрядильне достаточно часто.

Другое крупное возмущение 1870 г., к которому местные власти применили понятие «стачка», произошло в Одессе. Одесский градоначальник 18 августа доложил министру внутренних дел о том, что из-за установления таксы на легковых извозчиков «между семи последними произведена стачка, по которой 9 сего августа почти все извозчики не выехали на биржу и начали толпами бродить по улице»³¹. После того как доклад поступил

29 Отношение Вологодского губернатора министру внутренних дел о стачке в заведении для выделки мехов. 29 сентября 1870 г. // РГИА. Ф. 1286. Оп. 31 Д. 1360. Л. 1-5 об.

30 Там же. Л. 3 об.

31 Отношение одесского градоначальника министру внутренних дел о стачке извозчиков. 18 августа 1871 г. // Там же. Ф. 1286. Оп. 32. Д. 1179. Л. 3.

в МВД, на нем появилась отметка, что слово «стачка» употребляется только для беспорядков на фабриках и заводах³².

На то, что одесский градоначальник неверно употребил положения циркуляра, указал и князь А. Б. Лобанов-Ростовский в письме к новороссийскому генерал-губернатору П. Е. Коцебу в Ялту: «Одесский Градоначальник применил циркуляр 6-го июля 1870 [г.] о стачках к делам рабочих купца Фадеева и извозчиков и распорядился высылкой нескольких человек в отдаленные губернии. Находя, что эти случаи вовсе не подходят под случаи стачек, указанных в циркуляре, считаю долгом сообщить Вашему Высокопревосходительству о неправильном распоряжении Бухарина высланного не только работников но и ... извозчиков»³³. Именно подобного рода случаи вызвали необходимость расширить действия циркуляра 6 июля 1870 г.

В 1873 г. Казанский вице-губернатор в телеграмме в МВД пытался уточнить, может ли быть применен циркуляр № 1906 1870 г. к рабочим, нанятым по контрактам для устройства бухты в Казани и отказавшимся работать. В ответ ему была прислана копия циркуляра МВД от 30 сентября 1871 г. о том, что положения циркуляра 1870 г. «распространялись на всякого рода стачки»³⁴, то есть не только на выступления рабочих на фабриках и заводах, а на любого рода протесты наемных работников. В этом циркуляре отдельно указывалось, что его появление было вызвано именно событиями в Одессе и согласием императора с тем, как действовал одесский градоначальник в отношении стачки извозчиков.

Несмотря на попытки центральных государственных учреждений уточнить положения циркуляра, а на местах — постараться каждый раз верно применить обозначенные в нем чрезвычайные полномочия, само понятие «стачка» продолжало в это время употребляться в значении сговора³⁵. Однако за дискуссиями

32 Там же. Л. 3.

33 Письмо кн. Лобанова Новороссийскому Генерал Губернатору. 28 августа 1871 г. // Там же. Ф. 1286. Оп. 32. Д. 1179. Л. 7.

34 Циркуляр № 227 Министерства внутренних дел (Департамент полиции исполнительной). 30 сентября 1871 г. // Там же. Ф. 1286. Оп. 34. Д. 966. Л. 2.

35 Там же. Ф. 1286. Оп. 33. Д. 1214 (Дело о бывшей в городе Устюге стачке рабочих. Января 1872 г.); Там же. Ф. 1286. Оп. 34. Д. 966 (Дело о стачке рабочих в Казанской губернии); Там же. Ф. 1286. Оп. 34. Д. 1021 (Дело о стачке на бумагопрядильной и самоткацкой фабрике п. граж. Канигина в г. Серпухов Моск. губ. Ноябрь 1873 г.).

о правильном использовании понятий для квалификации рабочих выступлений стояли существенные для пореформенной России споры о взаимоотношении судебного и полицейского направлений при разбирательстве дел, касавшихся государственной и общественной безопасности³⁶.

12 декабря 1871 г. на Реутовской бумагопрядильной мануфактуре произошли беспорядки. Московский гражданский губернатор князь А. А. Ливен в донесении министру внутренних дел писал, что в выступлении принимало участие около 2000 человек, пытавшихся воспрепятствовать выходу в воскресный день тех работников, которые по договоренности с администрацией мануфактуры вышли за двойную плату. Забастовавшие рабочие посчитали, что труд их товарищей в праздничный день или понизит их заработную плату, или со временем поспособствует тому, что и их заставят приняться за него, поэтому они выступили с протестом. Губернатор и полиция решили, что имеют «дело не с уличным, случайным безобразием, подходящим под определение буйства, а с правильной стачкою, имеющею свою определенную, высказавшуюся цель, — воспрепятствовать приведению в исполнение состоявшегося между фабрикантом и некоторыми рабочими соглашения о производстве»³⁷.

С 1865 г. московским генерал-губернатором был В. А. Долгорукий. Узнав о происшествии, он попросил гражданского губернатора А. А. Ливена не отдавать никаких распоряжений по делу о беспорядках на Реутовской мануфактуре, пока сам в нем не разберется. Через несколько дней Долгорукий послал Ливену предложение, в котором не согласился с тем, что данный случай можно квалифицировать как стачку, предлагая определить его «буйством в пьяном виде» и отдать на рассмотрение мирового суда³⁸.

Позиция генерал-губернатора заставила Ливена написать напрямую министру, чтобы доказать правильность своей точки зрения. В донесении он утверждал, что незначительное наказа-

36 Обзоры историографии по проблемам «законности» и утверждения нового правового порядка в Российской империи: *Wirtschaftler E. K. Russian Legal Culture and the Rule of Law // Kritika*. 2006. № 1. P. 61–70; *Borisova T. Burbank J. Russia's Legal Trajectories // Kritika*. 2018. № 3. P. 469–508; *Daly J. W. Crime and Punishment in Russia: A Comparative History from Peter the Great to Vladimir Putin*. London and New York, 2018.

37 Представление князя А. А. Ливена московского гражданского губернатора министру внутренних дел. 21 декабря 1871 г. // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 304. Л. 100 об.

38 Там же. Л. 101–101 об.

ние, которое назначит мировой судья за буйство, приведет рабочих к убеждению, что «мирную забастовку произвести можно», что в таком случае к «ним нельзя будет придраться». Ливен был уверен: распространение подобных мнений среди «рабочего люда» приведет к возникновению «целой теории о стачках»³⁹.

Однако использованная А. А. Ливеном аргументация должна была не только убедить министра в том, что выступления рабочих представляют собой серьезную угрозу общественной безопасности, но и доказать обоснованность принятых губернатором мер. Ведь генерал-губернатор настаивал на том, что это «буйство», а не «стачка». Поэтому гражданский губернатор и полиция могли сами оказаться в ситуации обвиняемых в превышении своей власти, заключавшемся в незаконном аресте рабочих. Доказывая исключительный характер стачки, Ливен пытался обосновать позицию, что, как представитель центральной власти, губернатор может в критических ситуациях идти на чрезвычайные меры и нарушать текущее законодательство.

Именно поэтому значительную часть донесения министру занимает пересказ спора между гражданским губернатором и генерал-губернатором о том, что считать «стачкой». Муравьев указывал на то, что действия рабочих не были «забастовкой», а только она может называться «стачкой». Ливен же доказывал, что «забастовка» — это следствие «стачки». Он не объяснял свой тезис, но, вероятно, исходил из понимания стачки как сговора, результатом которого затем становится забастовка, то есть остановка работ.

Далее А. А. Ливен сделал важный ход в оправдании действий как своих, так и своих подчиненных. Вначале он указал на последствия, о которых писал в своем циркуляре и начальник Московского ГЖУ И. Л. Слёзкин, относительно «незнания», как правильно определять понятие «стачка»: «...администрация поставлена ныне в такое положение, что не зная, какие случаи подводить под разряд стачек, а какие причислять к буйствам, — она из опасения ответственности по суду — может, к несчастью, — очень часто колебаться и сомневаться в тех случаях, где для

39 Там же. Л. 102.

нравственной постановки вопроса, — так необходимы быстрые и решительные меры»⁴⁰.

Затем Ливен сослался на высочайшее повеление, касавшееся наказаний за стачки. Он писал, что поводом к нему были европейские процессы против рабочих волнений. Из этих процессов стало ясно, что невозможно оформить в законы и инструкции все явления, сопровождающие стачки. Предполагая эту невозможность, повелением было предписано принимать в подобных случаях административные меры, «которые действуют быстро и по убеждению совести, как и Мировой суд, — не требуют однако тех же юридических, мелких и в подобных случаях неумовимых формальностей, которые требуются судом, — безличным применителем голой статьи закона к пластическому, резко высказавшемуся факту»⁴¹.

Таким образом, Ливен старался доказать, что волнения на Реутовской мануфактуре как раз и были таким «пластичным фактом», в отношении которого требовалось принятие быстрых административных мер с целью защиты общества. В таком случае нельзя было допустить никакого стеснения законом. На протяжении всего Представления Ливен доказывал, что хорошо подкован в вопросах о стачках. Следовательно, он считал, что имел все основания и в силу своего положения, и в силу своего знания правильно оценить опасный потенциал ситуации и принять своевременные, пусть и выходящие за рамки закона, меры.

Спор в итоге разрешился тем, что дело отдали не в Мировой суд, а на рассмотрение судебного следователя, то есть фактически в пользу Ливена, так как вскрылись новые обстоятельства. Со слов фабриканта рабочие во время беспорядков хотели взорвать здание фабрики поджогом газа⁴². Тем самым спор о том, какой был характер выступления и что из действий рабочих стоит относить к понятию «стачка», а что к «забастовке», стал неактуален.

Не только А. А. Ливен, но и другие представители центральной власти на местах беспокоились о пределах своей власти, ее незыблемости и авторитете. Схожим образом аргументировал

40 РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 304. Л. 104.

41 Там же. Л. 104 об.

42 Рабочее движение в России в XIX веке. С. 279.

свое решение о высылке зачинщиков стачки, которая произошла в Одессе практически в одно время со стачкой извозчиков, и местный градоначальник. 18 августа 1871 г. он докладывал министру внутренних дел о буйствах, бесчинстве и пьянстве, которые учинили рабочие тулупной фабрики купца Фадеева. После задержания зачинщиков беспорядков мировой судья двоих из них приговорил к 10 руб. штрафу, а остальных отпустил. Приговор оказался мягким по причине того, что отсутствовали свидетели нападения на служащих полиции во время задержания буйствующих рабочих, поэтому невозможно было «вполне доказать всю степень их (зачинщиков беспорядков. — А. Р.) виновности»⁴³. Судебное решение возмутило одесского градоначальника, который в своем отношении министру писал: «Обращаясь к нравственной стороне настоящего случая, я нахожу, что описанные подполковником Антоновым беспорядки не останутся бесследными. Чернорабочий класс людей, видя такую слабость наказания или, лучше сказать, почти безнаказанность и получая из этого убеждение в бессилии и ничтожности значения Полицейской силы, не будет останавливаться в производстве подобных беспорядков еще в больших размерах»⁴⁴. Именно по этой причине он и применил к зачинщикам стачки нормы циркуляра 6 июля 1870 г., за что его позже в своем письме раскритиковал князь А. Б. Лобанов-Ростовский, а император, наоборот, поддержал направление действий одесского градоначальника. В связи с этим данный прецедент вызвал к жизни еще один циркуляр, расширявший сферу применения чрезвычайных полномочий начальниками губерний в отношении стачечников.

В ходе Кренгольмской стачки осенью 1872 г., самого крупного выступления рабочих того времени, также возник конфликт вокруг определения характера события и выработки правильного к нему подхода. Р. Зелник отмечал, что в данном случае тоже возникли противоречия между представителями губернской администрации, местной элитой и центральной властью в вопросах соблюдения законности и обеспечения порядка. Действия Эстляндского губернатора М. В. Шаховского, попытавшегося

43 Отношение одесского градоначальника министру внутренних дел. 18 августа 1871 г. // РГИА. Ф. 1286. Оп. 32. Д. 1179. Л. 1 об.

44 Там же. Л. 2.

встать на сторону рабочих, сразу вступили в противоречие с интересами фабричной администрации, а в разрешение возникшего конфликта пришлось вмешаться центральной власти⁴⁵.

Выступления рабочих в 1870-е гг. происходили все чаще. Необходимость разьяснять, что такое «стачка» и «забастовка», сохранялась, чем и занималась центральная власть. На одном из донесений начальника Таврического губернского жандармского управления от 14 мая 1873 г. управляющий Третьим отделением оставил резолюцию. Она гласила, что необходимо «войти в соглашение с М[инистром] Юстиции о разьяснении слова стачка. Передав, чтобы мировые судьи не принимали к разбору жалоб, приносимых в этом порядке; необходимо тоже разьяснить нашим офицерам железных дорог, чтобы доносили о стачках губернатору»⁴⁶. Это решение перекликалось с позицией начальников губерний о необходимости более внимательного и жесткого отношения к стачкам. Для этого нужно было, во-первых, четко разьяснить, что они из себя представляли, а во-вторых — ужесточить порядок принимаемых в отношении стачек мер. Происходило это в силу того, что в законах империи стачки не наказывались строго, так как в Уложении о наказаниях еще отразилось понимание «стачки» лишь как сговора рабочих для действия, направленного на конфликт с администрацией, но не подразумевавшего еще какой-либо революционной борьбы.

В мае 1874 г. в докладной записке управляющему Третьим отделением П. А. Шувалову об особенностях стачки на ткацкой фабрике С. М. Шибаева уже четко разделяли понятия «стачка» и «забастовка»: «Вышеописанный случай представляет признаки стачки рабочих в смысле действия скопом, хотя забастовка, насколько можно судить до более обстоятельного обследования дела, не вышла из инициативы рабочих или их намерения вынудить повышения заработной платы»⁴⁷. С точки зрения автора донесения, несмотря на то, что стачка не закончилась забастовкой, она все равно несла в себе негативные тенденции. Любые высту-

45 *Zelink R. E. Law and Disorder on the Narova River: the Kreenholm Strike of 1872. Berkeley, 1995.*

46 Рабочее движение в России в XIX веке. С. 417.

47 Там же. С. 490.

пления рабочих могли привести в перспективе к появлению самостоятельного пролетарского движения: «Тем не менее она по своим последствиям может быть вредна, возбуждая, с одной стороны, антагонизм между капиталом и трудом и, с другой стороны, приучая рабочих в случае недоразумений с нанимателями, отстаивать свои требования скопом»⁴⁸.

В тексте отношения московского губернатора в МВД от 5 декабря 1873 г. появляется понятие «забастовка» уже как самостоятельное определение для выступления рабочих. Описывая возмущения работников самоткацкой и ситценабивной фабрики почетных граждан Третьяковых губернатор писал: «...рабочие ткацкого отделения, до 700 человек, не явились на работу. По прибытии на фабрику Серпуховского Уездного Исправника, между прочим, дознано, что причиною забастовки рабочих было распоряжение о распределении между ними по времени работ, чрез что рабочие должны были получать меньше заработной платы против той, которую они получали прежде»⁴⁹.

В 1870-е гг., соотнося практику революционной борьбы рабочих на Западе и действия российских рабочих, власти начинали опасаться, что и в империи возникнет революционно настроенное пролетарское движение. В таком случае понятия «стачка» и «забастовка» уже начинали означать нечто большее, отсылавшее не только к «сговору» и остановке работ на предприятии, но и к серьезным экономическим и политическим противоречиям нарождающегося капитализма. «Стачка» в ведомственных документах становилась понятием, описывавшим более масштабную угрозу государству и общественной безопасности.

К 1872 г. этот вызов, уже хорошо распознаваемый и классифицируемый чиновниками, постарались регламентировать законами. Так, в Петербурге в марте 1872 г. было обнаружено общество, возникшее для того, чтобы создавать различные «ассоциационные предприятия», а затем с их помощью помогать рабочим влиять на фабрикантов с целью повышения заработной платы. Товарищ шефа жандармов Н. В. Левашева разъяснил

48 Там же. С. 490.

49 Отношение московского губернатора Министерству внутренних дел о забастовке на фабрике Третьяковых. 5 декабря 1873 г. // РГИА. Ф. 1286. Оп. 34. Д. 1023. Л. 1.

обстоятельства дела в записке министру юстиции⁵⁰. Помимо подробностей, касавшихся деятельности общества, Левашов указал на возникшее во время расследования затруднение. Ст. 318 Уложения о наказаниях⁵¹ предусматривала только три категории тайных обществ: «имеющих целью ниспровержение порядка государственного устройства, направленных к колебанию истин и правил христианской веры и действующих в направлении, противном общественной нравственности»⁵². Однако цель раскрытого жандармами общества не подпадала не под одну из этих категорий. То есть не было статьи в Уложении, по которой можно бы было наказать за агитацию среди рабочих против фабрикантов.

Затруднения в ходе расследования послужили поводом для организации в 1872 г. Комиссии для рассмотрения изменений в закон о «противозаконных сообществах»⁵³. В журнале Комиссии было отмечено, что «вредными сообществами» признавались «все те, которые поставили целью противодействие распоряжениям правительства или его органам, затем *возбуждение вражды между отдельными частями или классами населения* (курсив мой. — А. Р.) и наконец распространение учений или совершенные действия, направленных против религии, собственности или семейного союза»⁵⁴. Результатом обсуждений стали изменения, внесенные в содержание ст. 318 в 1874 г. Согласно принятым нововведениям теперь наказать могли за принадлежность «к противозаконным сообществам, имеющим целью ... возбуждение стачек»⁵⁵.

В докладной записке Третьего отделения императору Александру II от 18 сентября 1874 г. указывалось, что постоянная пропаганда народников среди рабочих привела к тому, что в среде последних произошел рост активности и сплоченности,

50 Речь в записке Левашова была о расследовании, которое проводилось в Петербурге в марте 1872 г.: Записка из Штаба Корпуса жандармов Господину министру Юстиции. 5 мая 1872 г. // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 970.

51 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г.: с доп. по 1 янв. 1876 г., изд. 2-е / сост. С. Н. Таганцевым. СПб., 1876.

52 Записка из Штаба Корпуса жандармов господину министру Юстиции. 5 мая 1872 г. // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 970. Л. 2–3.

53 Журнал Комиссии о пересмотре ныне действующих законов о противозаконных сообществах // ГАРФ. Ф. 1405. Оп. 72. Д. 7073.

54 Там же. Л. 27.

55 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г.

«рабочие, видимо, осознали, что завод без рук немислим, что хотя они и кормятся им, но что вместе с тем и он без них ничто»⁵⁶. Следовательно, теперь даже самый хороший хозяин, если задержит расчет на несколько дней, может вызвать серьезное возмущение рабочих, поэтому «часто возникают стачки». Размышления о революционной пропаганде как причине стачек появляется в документах политической полиции при том, что сами революционеры в тот момент не считали стачки самостоятельной формой борьбы. Существеннее для анархически настроенных народников был любой явный бунт против властей. В свою очередь государство, наоборот, разглядело в стачках серьезную угрозу государственной безопасности. Наделив понятие «стачка» революционным потенциалом, чиновники способствовали радикализации его смыслов.

Заключение

На рубеже XIX–XX вв. понятие «стачка» приобретает такие определения, как «всеобщая» и «политическая»⁵⁷. Это свидетельствовало о том, что за ним закрепляется ожидание исторических перемен и революционных преобразований. В России этому способствовала активизация политической борьбы на рубеже веков, переросшей в события Первой русской революции 1905–1907 гг. Социалисты к этому времени активно разрабатывали теорию стачечной борьбы, появления которой в среде рабочих так боялся еще в 1870-е гг. граф А. А. Ливен.

Понятия «стачка» и «забастовка» изначально не относились к политическому лексикону Российской империи, а были связаны с юридическим дискурсом. Однако необходимость объяснить новые явления общественной жизни привела к тому, что они постепенно политизировались и стали использоваться чиновниками исключительно для описания борьбы рабочих. Государство,

56 Рабочее движение в России в XIX веке: сб. документов и материалов / под ред. А. М. Панкратовой. Т. 2: 1861–1884. Ч. 1. 1861–1874. М., 1950. С. 478.

57 Каутский К. Всеобщая политическая стачка и социализм. М., 1906; Кропоткин П. А., Бернс Д. Всеобщая стачка. СПб., 1906.

таким образом, сыграло значительную роль в эволюции смыслов этих понятий.

Причем для описания выступлений рабочих против администрации с какими-либо требованиями использовались и другие слова, например «волнения», «беспорядки». Но именно «стачка» и «забастовка» вобрали наибольшее количество смыслов и смогли отразить всю сложность обозначаемых ими явления. Именно поэтому «стачку» и «забастовку» можно считать историческими понятиями, так как они имели сложную смысловую нагрузку, конкурирующие идеологические и политические объяснения. «Волнения» и «беспорядки», наоборот, были словами, однобоко описывавшими происходившие выступления рабочих.

Включенность государственных ведомств в описание и объяснение рабочего протеста приводила к тому, что чиновники фактически способствовали производству новой идентичности — рабочего движения. Для рабочих стачки оказались пространством социального сплочения, процесса осознания своего исключительного положения в совместной борьбе против тяжелых условий труда и произвола администрации. Вмешательство государства в эти конфликты стало фактором, политизировавшим стачки. С точки зрения ряда чиновников, стачки были частью не только социально-экономической, но и политической борьбы рабочих. Подобная интерпретация приводила к усилению чрезвычайных, административных методов борьбы с рабочим протестом. Чиновники видели в стачках потенциал и зародыш революции. Для них они фактически явились «горизонтом ожидания» катастрофы.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсеньев К. К. Предание суду и дальнейший ход уголовного дела до начала судебного следствия. СПб.: тип. В. Демакова, 1870. 225 с.
- Архив истории труда в России, выпускаемый Ученой комиссией по исследованию истории труда в России / под ред. Ю. Гессена. Т. 3. Петроград: 14-я Государственная тип., 1922. 160 с.
- Бибикова Л. В. Политическая полиция конца XIX — начала XX вв. и «революция»: игра понятием или реальная угроза? // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 2. № 2. С. 70–98.
- Виноградов В. В. История слов. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1999. 1138 с.

- Вреден Э. Р. Страховые артели и долевая рабочая плата. СПб.: тип. В. Безобразова и Ко., 1870. 364 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1–4. М.: Изд. общества любителей Российской словесности, 1863–1866.
- Дополнение к опыту областного великорусского словаря. Издание Второго отделения Императорской академии наук / ред. А. Х. Востоков. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1858. 328 с.
- Зелник Р. Личность, протест, история: Сб. ст. СПб.: Нестор история, 2007. 402 с.
- Ильин А. А. Революция и реформа: соотношение понятий в первые годы Великих реформ // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. II. № 2. С. 13–32.
- Кантор Р. Жандармерия и первые рабочие стачки в начале семидесятых годов 19-го века // Архив истории труда в России. Т. 3. Петроград: 14-я Государственная тип., 1922. С. 71–75.
- Каутский К. Всеобщая политическая стачка и социализм. М.: Новый мир, 1906. 32 с.
- Китанина Т. М. Рабочие Петербурга в 1800–1861 гг.: Промышленность, формирование, состав, положение рабочих. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. 297 с.
- Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор / под ред. Х. Э. Бё-декера. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 21–33.
- Кропоткин П. А., Бернс Д. Всеобщая стачка. СПб.: Друг народа, 1906. 32 с.
- Лаверычев В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861–1917 гг.). М.: Мысль, 1972. 340 с.
- Парадизов П. «Рабочий вопрос» в России в начале 70-х годов XIX в. // История пролетариата СССР. 1932. № 10. С. 50–90.
- Понятия о России: к исторической семантике имперского периода / ред. Д. Сдвижков, И. Шарле: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
- Рабочее движение в России в XIX веке: сб. документов и материалов / под ред. А. М. Панкратовой. Т. 2: 1861–1884. Ч. 1. 1861–1874. М.: Госполитиздат, 1950. 699 с.
- Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М.: Наука, 1989. 751 с.
- Соловьева А. М. Промышленная революция в России в XIX в. М.: Наука, 1990. 269 с.
- Справочный коммерческий словарь / Собр. и изд. И. Вавиловым. СПб.: Морская тип., 1856. 367 с.
- Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г.: с доп. по 1 янв. 1876 г., изд. 2-е / сост. С. Н. Таганцевым. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1876. 726 с.
- Учреждение Санкт-Петербургской городской полиции: проект (напечатано по Высочайшему повелению, в малом числе экземпляров, единственно для членов Государственного Совета, 25 Января 1838). СПб.: [Б. и.], 1838. 302 с.
- Antonov S. Russian Capitalism on Trial: The Case of the Jacks of Hearts // Law and History Review. 2018. Vol. 36. № 1. P. 35–76.
- Borisova T. Burbank J. Russia's Legal Trajectories // Kritika. 2018. № 3. P. 469–508.
- Daly J. W. Crime and Punishment in Russia: A Comparative History from Peter the Great to

- Vladimir Putin. London and New York: Bloomsbury Academic, 2018. 236 p.
- Das österreichische Strafgesetz über schwere Polizeiübertretungen sammt den vom 3. September 1803 bis auf die neueste Zeit hiezu nachträglich erschienenen Gesetzen und Verordnungen. Wien: Braumüller & Seidel, 1841. 370 S.
- Manfred G. Food Riots in Germany in the Late 1840s // *Past & Present*. 1994. № 145. P. 157–193.
- Rudé G. F. E. *The Crowd in History: A Study of Popular Disturbances in France and England, 1730–1848*. New York: Wiley & sons, 1964. 281 p.
- Shorter E., Tilly C. *Strikes in France, 1830–1968*. London: Cambridge University Press, 1974. 428 p.
- Thompson E. P. *The Moral Economy of the English Crowd in the 18th Century* // *Past & Present*. 1971. № 50. P. 76–136.
- Wirtschaftler E. K. Russian Legal Culture and the Rule of Law // *Kritika*. 2006. № 1. P. 61–70.
- Zelnik R. E. *Law and Disorder on the Narova River: the Kreenholm Strike of 1872*. Berkeley: University of California Press, 1995. 308 p.

REFERENCES

- Arsenev K. K. Predanie sudu i dalnejshij hod ugovornogo dela do nachala sudebnogo sledstviya. St. Petersburg: Print. House V. Demakova, 1870. 225 p. (In Russian).
- Bibikova L. V. Politicheskaya politiya kontsa XIX — nachala XX vv. i «revolyutsiya»: igra ponyatiem ili realnaya ugroza? // *Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*. 2018. Vol. 2. № 2. P. 70–98. (In Russian).
- Dal V. I. Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka. Ch. 1–4. Moscow: Obshchestva lyubitelej Rossijskoj slovesnosti Publ., 1863–1866. (In Russian).
- Dopolnenie k opytu oblastnogo velikorusskago slovarya. Izdanie Vtorogo otdeleniya Imperatorskoj akademii nauk / red. A. H. Vostokov. St. Petersburg: Print. House Imp. akad. nauk, 1858. 328 p. (In Russian).
- Ilin A. A. Revolyutsiya i reforma: sootnosheniye ponyatii v pervye gody Velikikh reform // *Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*. 2018. Vol. II. № 2. P. 13–32. (In Russian).
- Kantor R. Zhandarmeriya i pervyye rabochiye stachki v nachale semidesyatykh godov 19-go veka // *Arkhiv istorii truda v Rossii*. Petrograd: 14-ya Gosudarstvennaya printing house, 1922. Vol. 3. P. 71–75. (In Russian).
- Kautskij K. Vseobshchaya politicheskaya stachka i socializm. Moscow: Novyj mir, 1906. 32 p. (In Russian).
- Kitanina T. M. Rabochiye Peterburga v 1800–1861 gg.: Promyshlennost, formirovaniye, sostav, polozheniye rabochikh. Leningrad: Nauka Publ. Leningradskoye otdeleniye, 1991. 297 p. (In Russian).
- Kozellek R. K voprosu o temporalnykh strukturakh v istoricheskom razvitii ponyatii // *Istoriya ponyatii, istoriya diskursa, istoriya metafor / pod red. KH. E. Bedekera*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2010. P. 21–33. (In Russian).
- Kropotkin P. A., Berns D. Vseobshchaya stachka. St. Petersburg: Drug naroda Publ., 1906. 32 p. (In Russian).

- Laverychev V. Ya. TSarizm i rabochiy vopros v Rossii (1861–1917 gg.). Moscow: Mysl Publ., 1972. 340 p. (In Russian).
- Paradizov P. «Rabochiy vopros» v Rossii v nachale 70-kh godov XIX v. // Istoriya proletariata SSSR. 1932. № 10. P. 50–90. (In Russian).
- Ponyatiya o Rossii: k istoricheskoy semantike imperskogo perioda / red. D. Sdvizhkov, I. Sharle. 2 t. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2012. (In Russian).
- Rabocheye dvizheniye v Rossii v XIX veke: sb. dokumentov i materialov / pod red. A. M. Pankratovoy. Vol. 2: 1861–1884. Ch. 1. 1861–1874. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1950. 699 p. (In Russian).
- Rabochiy klass Rossii ot zarozhdeniya do nachala XX v. Moscow: Nauka Publ., 1989. 751 p. (In Russian).
- Solovyeva A. M. Promyshlennaya revolyutsiya v Rossii v XIX v. Moscow: Nauka Publ., 1990. 269 p. (In Russian).
- Spravochnyy kommercheskiy slovar' / Sobr. i izd. I. Vavilovym. St. Petersburg: Morskaya Print. House, 1856. 367 p. (In Russian).
- Uchrezhdenie Sankt-Peterburgskoy gorodskoy politsii: proekt (napechatano po Vysochajshemu poveleniyu, v malom chisle ekzempliarov, edinstvenno dlya chlenov Gosudarstvennogo Soveta, 25 Ynvarya 1838). St. Petersburg: [S. n.], 1838. 302 p. (In Russian).
- Ulozhenie o nakazaniyah ugolovnyh i ispravitel'nyh 1866 g.: s dop. po 1 ynv. 1876 g., izd. 2-e / sost. S. N. Tagancevym. St. Petersburg: Print. House M. Stasyulevicha, 1876. 726 p. (In Russian).
- Vinogradov V. V. Istoriya slov. Moskva: Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Press, 1999. 1138 p. (In Russian).
- Vreden E. R. Strahovye arteli i dolevaya rabochaya plata. St. Petersburg: Print. House V. Bezobrazova i Ko., 1870. 364 p. (In Russian).
- Zelnik R. Lichnost, protest, istoriya. Sb. st. St. Petersburg: Nestor istoriya Publ., 2007. 402 p. (In Russian).
- Antonov S. Russian Capitalism on Trial: The Case of the Jacks of Hearts // Law and History Review. 2018. Vol. 36. № 1. P. 35–76.
- Borisova T. Burbank J. Russia's Legal Trajectories // Kritika. 2018. № 3. P. 469–508.
- Daly J. W. Crime and Punishment in Russia: A Comparative History from Peter the Great to Vladimir Putin. London and New York: Bloomsbury Academic, 2018. 236 p.
- Manfred G. Food Riots in Germany in the Late 1840s // Past & Present. 1994. № 145. P. 157–193.
- Rudé G. F. E. The Crowd in History: A Study of Popular Disturbances in France and England, 1730–1848. New York: Wiley & sons, 1964. 281 p.
- Shorter E., Tilly C. Strikes in France, 1830–1968. London: Cambridge University Press, 1974. 428 p.
- Thompson E. P. The Moral Economy of the English Crowd in the 18th Century // Past & Present. 1971. № 50. P. 76–136.
- Wirtschafter E. K. Russian Legal Culture and the Rule of Law // Kritika. 2006. № 1. P. 61–70.
- Zelnik R. E. Law and Disorder on the Narova River: the Kreenholm Strike of 1872. Berkeley: University of California Press, 1995. 308 p.